

Научная статья

УДК: 316.344.233

doi: 10.17223/1998863X/88/14

КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ГОРОДСКОЙ СЕГРЕГАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ

Ринат Эдуардович Галиуллин¹, Ирина Анатольевна Скалабан²

^{1,2} *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия*

¹ *R.galiullin@g.nsu.ru*

² *skalaban@corp.nstu.ru*

Аннотация. Изучается процесс изменения концептуальных рамок анализа пространственного сегрегирования, его современное прочтение. Отмечается контекстуальность интерпретации явления, поскольку в разные периоды внимание акцентируется на дискриминационном или морфологическом подходе к концепту сегрегации, а также ставится вопрос об актуальности изучения этого процесса в российском городе через анализ его конфликтного потенциала.

Ключевые слова: сегрегация, городские конфликты, маркеры сегрегации, конфликты сегрегирования, присвоение пространства

Для цитирования: Галиуллин Р.Э., Скалабан И.А. Классические и современные концептуальные основания анализа городской сегрегации и социальные маркеры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 154–164. doi: 10.17223/1998863X/88/14

Original article

CLASSICAL AND MODERN CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF URBAN SEGREGATION ANALYSIS AND SOCIAL MARKERS

Rinat E. Galiullin¹, Irina A. Skalaban²

^{1,2} *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *R.galiullin@g.nsu.ru*

² *skalaban@corp.nstu.ru*

Abstract. The article examines the evolving conceptual framework for analyzing spatial segregation and its contemporary interpretation. It notes the contextual nature of interpreting this phenomenon, as different historical periods have emphasized either a discriminatory or a morphological approach to the concept. Furthermore, the article raises the question of the relevance of studying segregation in a Russian urban context by analyzing its conflict potential. We conduct a retrospective analysis of approaches to defining the phenomenon of urban segregation and its social markers. This review spans from the concepts of spatial segregation that emerged alongside increasing migration and the racial and territorial localization of inequality in American cities during sociology's formative years, to modern approaches analyzing "new urban segregation." Two classical interpretations of the segregation process, established by the 1930s, are distinguished. The first is a "discriminatory" approach, determined by a combination of socio-spatial, racial, and ethnic inequality. The second is a "morphological" approach. Originating from the socio-ecological school, it focuses on the functional zoning of urban areas, the socio-economic differentiation of territories and neighborhood-communities, and the analysis of housing regimes within a city's naturally forming boundaries. The manifestations of these approaches were traced

through the social markers of segregation selected by researchers. Our analysis of these markers shows that both approaches intersect by focusing on the factor of inequality – whether in its social, racial, or urban-spatial form. The article notes that a new understanding of urban spatial segregation began to emerge in the 1980s–90s, prompted by the weakening influence of racial and ethnic factors on urban development. While the need for security and the transformation of one’s home into a “shelter” remained relevant, the segregation processes perceived by citizens shifted toward a differentiation between private and public, accessible and inaccessible spaces. We argue that the foundation for defining “new segregation” was laid by Brazilian sociologists, who identified secure, enclosed spaces as key elements that fragment the city and reinforce inequality. This angle highlights the importance of urban planning practices in segregation processes, for which local urban conflict can serve as a key marker. Such conflicts can reveal instances of segregation that have not become normalized practices but are instead identified by citizens as forms of injustice or discrimination. From this perspective, when studying segregation, the analytical focus can be on both the conflict itself and the trigger that caused it. The circumstances under which segregation gives rise to conflict are of particular importance, as the challenges of resolving these conflicts become a central problem within the new structure of the modern city, which is itself being reshaped by segregation.

Keywords: segregation, urban conflicts, segregation markers, segregation conflicts, space appropriation

For citation: Galiullin, R.E. & Skalaban, I.A. (2025) Lassical and modern conceptual foundations of urban segregation analysis and social markers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 154–164. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/14

Введение

Разделение и изоляция как проявления сегрегации, столь же имманентно присущи городу, как и неравенство, конкурентность, навязанное взаимодействие. Со времён возникновения социологии сегрегация как социальное явление и процесс находится в фокусе внимания социологов, а данный фокус на протяжении прошедшего века имел тенденцию смещаться от расового деления в направлении социальных или пространственных аспектов разделения и дискриминации.

Определённым признаком актуальности проблемы для России стало то, что исследования отечественных авторов по вопросам городской сегрегации начали появляться с середины 1990-х гг. [1]. Изучение рынка недвижимости, преобразование публичных пространств в частные [2–4] фиксировали неоднородность расселения в городе, неравные возможности обеспечения жильём и связанное с этим неравенство [5, 6]. Исследовались изменения и проблемы, связанные с усилением сегрегирования [7–9].

Несмотря на многообразие исследуемых аспектов, остается актуальным вопрос: насколько сегодня изменилось содержание и интерпретация сегрегационных процессов по сравнению с «классическим» периодом их исследования и каков потенциал анализа городских конфликтов при их осмыслении?

Становление концепции: «дискриминационное» и «социально-экологическое» прочтение

Сегрегация относится к тем социологическим категориям, содержательное наполнение которых контекстуально и определяется как сложившимися

социальными, культурными, политическими, экономическими обстоятельствами конкретного социума, так и избранной теоретической рамкой анализа.

Принято считать, что само понятие «сегрегация» оформилось в ходе осмысления городских процессов представителями чикагской социологической школы. Однако в значении принудительного разделения, полной изоляции, термин «сегрегация» широко использовался еще в XIX в. в эпидемиологии, психиатрии при изоляции заболевших жителей колоний («свет, воздух и сегрегация» [10]); в политике, государственном управлении, при делении групп и сообществ по конфессиональным, позже – расовым и социальным основаниям. В процессе расширения репертуара сегрегационных практик формально-принудительный подход к изоляции сменялся вниманием к ее социальным аспектам. Интерес к проблеме усилился по мере нарастания темпов притока в развитые страны этнически и конфессионально различающихся групп мигрантов. Не случайно уже в 1895 г. в первом томе «Американского социологического журнала» «сегрегация населения» была обозначена как отдельный предмет изучения [11].

Социологическое прочтение сегрегации как явления формировалось под влиянием социал-дарвинизма, теории социального отбора, где указывалось на внесоциальные источники ее возникновения [12]. Однако были и те, кто делал акцент на социальных и «психических» факторах изоляции: «осознание сходства... объединяет людей в непохожие группы», в которых «случайные силы имеют тенденцию собирать подобное и разделять несовпадающее (закон сегрегации)» [13]. В начале XX в. возникает термин *практическая сегрегация* как рациональное разделение групп по социальным основаниям и районам проживания (*географическая сегрегация*). Уже в это время возник и интерес к городу как сегрегированному пространству. Социологи фиксировали связь между сегрегацией культурно близких групп и процессом их сближения, общей идентификации [14. Р. 303]. Одновременно отмечался и обратный процесс: рост социального благополучия, например негров, стимулирует покидание гомогенных районов и включение в борьбу за тройную адаптацию: к городу; к свободному гражданству; к белому населению [15. Р. 110].

Более сфокусированное изучение сегрегации в городах приходится на середину 1920-х гг. участниками чикагской социологической школы. Важную роль в этом сыграла трансформация ими теоретической рамки с социально-дарвинистской на социально-экологическую. Сегрегация интерпретируется как раздельное проживание на определенной территории двух или более групп населения [16], а сегрегационные процессы – как «не только продукт расовых предрассудков, но и результат взаимодействия факторов городского роста, которые определяют местоположение и движение всех групп, учреждений и отдельных лиц» [17. Р. 115]. Маркеры сегрегации, избираемые ими для анализа, отличались. Л. Вирт ориентировался на размер популяционного агрегата, определяющий потенциал дифференциации: концентрация (плотность) и гетерогенность «определенных популяционных групп, живущих в определенных условиях и в определенной культуре» [18. С. 6], способность влиять на формирование социальных установок терпимости, рациональности и секулярного менталитета [18. С. 104]. Е. Берджес, отмечая уникальность городских сегрегационных моделей, указывал не только на значимость данных о доли этнической группы в общей численности жителей

территории, но и данных о распределении занятости; наличия районов с доступной собственностью; об отношении местных жителей к сегрегации и скорости расширения деловых и производственных районов [17. Р. 105].

Таким образом, уже к 30-м гг. XX в. приобрели устойчивость два подхода к пониманию сущности городской сегрегации.

Первый обозначим как *дискриминационный* подход, определяющий городскую сегрегацию как вариант социально-пространственного разделения жителей на основе расовых, этнических различий, неравномерного распределения благ, неравенства статусов, экономического или политического положения. Сегрегация – не только источник неравенства и дискриминации, но и средство и результат. Это открывает возможности анализа источников социальной несправедливости в распределении городских ресурсов, выявления структурного насилия «защитого» в пространственную и социальную изоляцию групп. Напряженность усугубляется, когда монополизировано право на собственность в ходе переопределения пространств, их доступности для пользования ресурсами и мобильности. В этом контексте сегрегация позволяет осмыслить феномены анклавизации и геттоизации, конструирование социальных и пространственных границ, взаимодействие сегрегированных локальных («оборонительных») сообществ [19]. Однако практика показала, что эти линзы несут в себе риски стигматизации сегрегированности, абсолютизации в оценке социальной ситуации расового или этнокультурного фактора.

Второй подход обозначим как *морфологический*, где «социально-экологический» подход – его инвариант [5. С. 19]. Здесь сегрегация мыслится как естественная составляющая жизни города, пространственно и социально распределенного на ареалы и сообщества, обладающие единством. По мнению авторитетного исследователя сегрегации С. Мустерда, «по-видимому, существует общая тенденция домашних хозяйств отделять себя друг от друга на основе ряда демографических, социально-экономических и культурных различий. На эту тенденцию сильно влияют исторические особенности места, а также другие контекстуальные факторы» [20. С. 2], такие как доступ к земле, финансовым ресурсам, индивидуальным интересам, предпочтениям и ценностям социального класса и статуса [21]. Подход фокусирует внимание на ареалах-сообществах, жилищных режимах, естественно формирующихся границах города, что во многом послужило основой для выделения вернакулярных районов.

Подходы имеют точки пересечения, например акцентируют значимость фактора неравенства. Сегрегационный дискурс определяется социальным (препятствие как неравенство) или урбанистическим (престиж как неравенство) прочтением процессов дифференциации, масштабами массовой миграции.

Современная пространственная городская сегрегация: перспективы нового прочтения

Концептуальные подходы к анализу сегрегации постепенно меняются в 80–90-е гг. с ослаблением влияния расового и этнического фактора на развитие городов. Бурная урбанизация в странах третьего мира, трансформация постсоветского пространства стимулировали неравенство и отчуждение, что

привлекало внимание к проблеме пространственной сегрегации. Появились термины *новая городская сегрегация*, *современная городская сегрегация*.

С позиции З. Баумана современная городская сегрегация – это способ удовлетворения запроса горожан на обособление от тех, кто стоит ниже на социальной лестнице, удовлетворение потребности в безопасности в городе, источнике тревоги и агрессивности [22. С. 46]. Он прогнозировал: выделение экстратерриториальных анклавов из непрерывной городской территории с наступлением эпохи глобализации только усилится.

Ранее основоположник нового урбанизма А. Лефевр связал городскую дифференциацию с процессами приватизации пространства. «В новых городских ансамблях отсутствие спонтанной и ограниченной общественной жизни доходит до полной „приватизации“ существования, поскольку с развитием капитализма, ростом и увеличением плотности городов, развитием рынка жилья возрастает функция дома как „убежища“». [23. С. 4–6]. Это приводит к упадку значимости улиц, но стимулирует рост спроса и предложения на форматы жилья, способные закрыть потребность в безопасности.

Соединяя логику дискриминационного и морфологического подходов к городской сегрегации как «пространственной материализации неравенства» [24], значительный вклад в ее эмпирический анализ еще с 1970-х гг. внесли бразильские исследователи. «Новый стандарт сегрегации» был описан Т. Кальдейрой по результатам исследования «укрепленных анклавов» Сан-Пауло – одного из самых экономически контрастных городов мира [25] как новой альтернативы жизни среднего и высшего класса. Они обеспечивают безопасность и кодируются как то, что придает высокий статус, тем самым «создают фрагментарный характер города, в котором трудно сохранить принципы свободного движения и открытия общественных пространств» [25. С. 155]. Такая сегрегационная модель есть признак нарастания неравенства. Она формируется под влиянием четырех взаимосвязанных процессов: экономического спада; инвестирования органами власти в инфраструктуру периферии города, где проживают относительно благополучные группы населения под давлением созданных ими же социальных движений; реструктуризации ритейла – строительства крупных торговых центров на изолированных благополучных территориях, сокращения промышленных зон с последующей джентрификацией; криминализации городской среды [25. С. 156–158].

Структурируем маркеры современной городской сегрегации, предложенные бразильской школой, по двум уровням.

Локальный:

- Возведение ограждений и барьеров, исключаящих диалог частного с общественным и укрепляющих чувство безопасности посредством охранных систем и ограждений.

- Обустройство огражденной территории инфраструктурой для исключения связи с городом в повседневной жизни и организации досуга (детские площадки, парки, бары, кафе, магазины, кинотеатры).

- Привлечение людей из низших слоев для работы на огражденной территории.

- Поддержание социальной однородности с возможной враждебностью их обитателей к миру за ограждениями, особенно на этапе адаптации к территории.

Городской:

- Изменение городской среды за счет трансформации общественных пространств в частные, открытых – в закрытые, «укрепленные». Источник: приватизация общественных пространств и благ, через недоступность территории, ретейла, услуг, досуговых зон.

- Ограничение и трансформация векторов городской мобильности в силу запретов на проход по «укрепленным» территориям.

Современные эмпирические исследования опровергают выраженность сегрегационных практик в больших городах по сравнению с малыми [26. Р. 195], фиксируют многообразие групп, вовлеченных в процессы сегрегирования, обозначая границы между черным и белым населением, между новыми группами иммигрантов и укоренившимися; между богатыми и бедными домохозяйствами, между молодыми и пожилыми, одиночками и семьями [20. С. 7]. Эксклюзивно-инклюзивный подход западноевропейских исследований последних лет определяет сегрегацию и как процесс межгрупповых и межклассовых взаимоотношений, как взаимовлияние, в том числе «по вертикали»: через влияние высших слоев городских групп с экономической и политической властью на ограничение таких возможностей в нижних группах [27].

Таким образом, в современных городах источники сегрегации заложены в нарастающих противоречиях по двум осям: частным/публичным и разнообразным/гомогенным. Эти противоречия носят социальный и пространственный характер и проявляют себя в сегрегационных процессах и сопутствующих им социальных маркерах:

- приватизация публичного пространства и его удержание (защита);
- воспроизводство и/или имитация публичного пространства внутри сформировавшегося частного;
- поддержание физическими, социальными и символическими способами границ между частным и публичным;
- гомогенизация социального в изолированном пространстве;
- маркетизация сегрегационных практик [28] (рекламная поддержка строящихся закрытых ЖК как успешная стратегия продаж).

Выделенная совокупность процессов и маркеров неизбежно возвращает к мысли об амбивалентности границ между естественной, функциональной составляющей процессов сегрегирования и его дискриминационной, дисфункциональной составляющей городского развития. Представляется, что вторая компонента сегрегации усиливается при актуализации социального неравенства и дискурса справедливости. Это ставит проблему поиска маркеров, способных обнаружить этот процесс, какая бы из теоретических рамок ни использовалась.

Конфликт как перспективный маркер сегрегации в городской среде

Усиление сегрегационных процессов неизбежно ведет к ограничениям в пользовании благами в городской среде, а следовательно, генерированию конфликтов. Как отмечал В.В. Вагин, «отрицательным следствием сегрегации является формирование особого самосознания, основанного на чувствах ущемленного достоинства и ущербности, что впоследствии может привести к наиболее радикальным формам городского протеста» [29]. Именно локаль-

ный конфликт может маркировать те случаи сегрегирования, которые не становятся опривыченными практиками, но идентифицируются горожанами как несправедливость, дискриминация. В этом ракурсе при изучении сегрегации объектом анализа может стать как сам конфликт, так и запустивший его триггер. Эту мысль подтверждает анализ 50 случаев городских и локальных конфликтов Новосибирска с 2017 по 2023 г.¹ с повестками сегрегационного характера. Он позволил выделить акторов и сферы городских отношений, где, с позиций участников, сегрегация приобретает несправедливый, дискриминационный характер. Кратко охарактеризуем их.

- Сфера соседских отношений между жильцами соседних домов или комплексов. Предметом оспаривания чаще становится не принадлежность территории, а ее доступность для пользования. Поэтому триггерами конфликтов часто становятся ситуации несогласованного появления шлагбаумов и заборов, перекрывающих традиционные транзитные транспортные пути.

- Сфера отношений жители – застройщики. Основными триггерами нередко являются намерения застройщиков трансформировать территорию (изменение близлежащей рекреационной инфраструктуры вследствие возведения новых ЖК рядом с уже существующими).

- Сфера межэтнических отношений, преимущественно в режиме местные/инокультурные мигранты, где триггеры во многом определяются длительностью межкультурных контактов на территории. Если в одном случае они связаны с появлением гомогенных групп мигрантов как временных или постоянных жителей на новых для них территориях, то в другом – с процессами концентрации и анклавизации на уже освоенных ими пространствах.

Именно обстоятельства, в которых сегрегация рождает конфликт, кажутся нам важными, поскольку проблемы их урегулирования становятся проблемой в новой изменяющейся под действием сегрегации структуре современного города.

Заключение

Социальные маркеры сегрегации, накопленные более чем за век исследования этого явления, позволяют выделить ключевую особенность современного типа городской сегрегации. Это не только материализация неравенства, выраженная в ограничении пространства и благ, но и обострение вызванных этим социальных отношений между группами горожан. Разница между классическим и современным подходом прослеживается в усилении внимания к чувствительности между частным и общественным, между символически и юридически присвоенным и общедоступным.

Сегодня мы имеем дело с двумя подходами к сегрегации. Первый подход – морфологический – работает, скорее, на макроуровне, расселении и проектировании города и ориентирован на определение социальных ареалов; второй – социально-дискриминационный, который определяется рыночными отношениями и политическими инициативами. Оба подхода интерпретируют причины и формы сегрегирования, однако, несмотря на потенциал, рассматривают конкретные маркеры сегрегации неполно. Данные социальные маркеры, ис-

¹ Материал Геоинформационной базы данных Новосибирской агломерации (Конфликты NSK; <https://conflictsnsk.ru/>), научный руководитель проекта И.А. Скалабан.

пользуемые отдельно, не позволяют создать подробную картину влияния сегрегации на городское развитие, выделить заложенные внутри противоречия.

В ситуации трансформации социальной и пространственной структуры российских городов дискриминационная составляющая сегрегационных процессов, несколько отошедшая в исследованиях на задний план, вновь приобретает основания для актуализации. Однако в российском городе она чаще проявляет себя на локальном уровне. Потенциал для осмысления содержит идентификация сегрегационных состояний через конфликты конкурирующих групп собственников или пользователей территории, обладающих юридическим или символическим правом на присвоение того или иного пространства. Современная градостроительная политика, рост социального неравенства сохраняют риски трансформации сегрегационных процессов в режимы, близкие к латиноамериканским, пусть и с сохранением собственной социокультурной специфики. В свою очередь, понимание социальных маркеров современной сегрегации для российских исследователей также представляется актуальным.

Список источников

1. *Трущенко О.Е.* Престиж Центра: городская социальная сегрегация в Москве. М : Socio Logos, 1995. 112 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: Реферативный журнал. 1996. № 1.
2. *Бляхер Л.Е.* Пространственная сегрегация г. Хабаровска: теоретико-методологические этюды // Российское городское пространство: попытка осмысления. Серия: Научные доклады, № 116. М., 2000.
3. *Григоричев К.В.* Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. 2016. № 2.
4. *Сидорова О.С., Мосиенко Н.Л.* Социально-пространственная сегрегация города на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска // Регион: экономика и социология. 2017. № 2. С. 308–325.
5. *Чешикова А.* Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления. М. : Мос. обществ. науч. фонд, 2000.
6. *Калинникова М.В., Поликарпова Т.В., Головина А.А.* Место жительства как фактор социальной дифференциации горожан // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления : материалы VI Междунар. науч. конф. Саратов, 13 апреля 2018 года. 2018.
7. *Нурушева А.М.* Роль инвесторов в формировании городского социального пространства. 2011.
8. *Лядова А.В., Новоселова Е.Н.* Социально-экологические риски урбанизации и развитие московской агломерации: сравнительный анализ зарубежного опыта // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21, № 10. С. 55–61.
9. *Рыкун А.Ю., Черникова Д.В., Сухушина Е.В., Березкин А.Ю.* Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода // ЖИСП. 2020. № 2.
10. *Hospital Evolution In The Victorian Era* // The British Medical Journal. Jun. 26, 1897. № 1904. Vol. 1. P. 1659–1664.
11. *Stanford Jr L.* Sociological Miscellany // American Journal of Sociology. Sep., 1895. Vol. 1, № 2. P. 231–236.
12. *Baldwin J.M.* The Social and the Extra-Social // American Journal of Sociology. Mar., 1899. Vol. 4, № 5. P. 649–655.
13. *Ross E.A.* Moot Points in Sociology. II. Social Laws // American Journal of Sociology. Jul., 1903. Vol. 9, № 1. P. 105–123.
14. *Babcock K.Ch.* The Scandinavian Element in American Population // The American Historical Review. Jan., 1911. Vol. 16, № 2. P. 300–310.

15. *Haynes G.E.* Conditions among Negroes in the Cities // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Sep., 1913. Vol. 49: The Negro's Progress in Fifty Years (Sep., 1913). P. 105–119.
16. *Burgess E.W.* "The Growth of the City: An Introduction to a Research Project": from Robert E. Park, Ernest W. Burgess, and Roderick D. McKenzie, *The City* (1925) // *The city reader*. Routledge, 2011. С. 207–215.
17. *Burgess E.W.* Residential Segregation in American Cities // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Nov., 1928. Vol. 140: The American Negro (Nov., 1928). P. 105–115.
18. *Вурм Л.* Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М., 2005. 244 с.
19. *Suttles G.* The Social Construction of Communities. Chicago : University of Chicago Press, 1972
20. *Musterd S.* Urban segregation: contexts, domains, dimensions and approaches // *Handbook of Urban Segregation. (Research Handbooks in Urban Studies series) / ed. S. Musterd.* Edward Elgar Publishing, 2020. P. 2–17.
21. *Anne Power, Zvi Weinstein* Discussion: Housing and sustainability – demolition or refurbishment? // *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning.* 2012. Vol. 165, Is. 3. P. 191–191.
22. *Бауман З.* Город страхов, город надежд // *Логос.* 2008. Т. 3, № 66. С. 24.
23. *Анри Лефевр.* Идеи для концепции нового урбанизма // *Социологическое обозрение.* 2002. № 3
24. *Bonduki N., Rolnik R.* Periferia da grande Sao Paulo: reproducao do espaco como expediente de producao da forza de trabalho // *A producao capitalista da casa (e dacidade) do Brasil industrial / ed. E. Maricato.* Editora AlphaOmega, Sao Paulo, 1979.
25. *Do Rio Caldeira T.P.* Enclaves fortificados: a nova segregação urbana // *Novos estudos CEBRAP.* 1997. Т. 47. С. 155–176.
26. *Krupka D.J.* Are big cities more segregated? Neighbourhood scale and the measurement of segregation // *Urban Studies.* 2007. Vol. 44, № 1. P. 187–197.
27. *Atkinson R., Ho H.K.* Segregation and the urban rich: enclaves, networks and mobilities // *Cape Town In Handbook of Urban Segregation. (Research Handbooks in Urban Studies series) / ed. S. Musterd.* Edward Elgar Publishing, 2020. P. 289–305.
28. *Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А.* Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? // *Вестник СПбГУ. Наука о Земле.* 2012. № 1.
29. *Вагин В.В.* Городская социология : учеб. пособие для муниципальных управляющих. М. : Моск. науч. обществ. фонд, Школа муниципального управления, 2001.

References

1. Trushchenko, O.E. (1996) Prestizh Tsentra: gorodskaya sotsial'naya segregatsiya v Moskve [The Prestige of the Center: Urban Social Segregation in Moscow]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sotsiologiya: Referativnyy zhurnal.* 1.
2. Blyakher, L.E. (2000) Prostranstvennaya segregatsiya g. Khabarovska: teoretiko-metodologicheskie etyudy [Spatial Segregation of Khabarovsk: Theoretical and Methodological Sketches]. In: *Rossiyskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya. Seriya: Nauchnye doklady* [Russian Urban Space: An Attempt at Comprehension. Series: Scientific Reports]. Vol. 116. Moscow: [s.n.].
3. Grigoriev, K.V. (2016) Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizatsiya v sibirskom regione (sluchay Irkutsk) [The Diversity of the Suburb: Suburbanization in the Siberian Region (The Case of Irkutsk)]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki.* 2.
4. Sidorova, O.S. & Mosienko, N.L. (2017) Sotsial'no-prostranstvennaya segregatsiya goroda na primere rynka zhiloy nedvizhimosti Novosibirsk [Socio-Spatial Segregation of the City on the Example of the Residential Real Estate Market of Novosibirsk]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya.* 2. pp. 308–325.
5. Cheshkova, A. (2000) Metodologicheskie podkhody k izucheniyu gorodskoy prostranstvennoy segregatsii [Methodological Approaches to the Study of Urban Spatial Segregation]. In: *Rossiyskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya* [Russian Urban Space: An Attempt at Comprehension]. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond.
6. Kalinnikova, M.V., Polikarpova, T.V. & Golovina, A.A. (2018) Mesto zhitel'stva kak faktor sotsial'noy differentsiatsii gorozhan [Place of Residence as a Factor of Social Differentiation of City

Dwellers]. In: *Sotsial'noe neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya* [Social Inequality of Modernity: A New Reality of Scientific Comprehension]. Proc. of the 6th International Conference. Saratov, April 13, 2018.

7. Nurusheva, A.M. (2011) *Rol' investorov v formirovanii gorodskogo sotsial'nogo prostranstva* [The Role of Investors in the Formation of Urban Social Space]. [s.l.]: [s.n.].

8. Lyadova, A.V. & Novoselova, E.N. (2017) *Sotsial'no-ekologicheskie riski urbanizatsii i razvitiie moskovskoy aglomeratsii: sravnitel'nyy analiz zarubezhnogo opyta* [Socio-Environmental Risks of Urbanization and the Development of the Moscow Agglomeration: A Comparative Analysis of Foreign Experience]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii*. 21(10). pp. 55–61.

9. Rykun, A.Yu., Chernikova, D.V., Sukhushina, E.V. & Berezkin, A.Yu. (2020) *Izmerenie kachestva zhizni v gorodakh: vozmozhnosti indeksnogo podkhoda* [Measuring Quality of Life in Cities: Opportunities of the Index Approach]. *Zhilishchnye strategii*. 2.

10. Anon. (1897) Hospital Evolution in the Victorian Era. *The British Medical Journal*. 1(1904). pp. 1659–1664.

11. Stanford, L., Jr. (1895) Sociological Miscellany. *American Journal of Sociology*. 1(2). pp. 231–236.

12. Baldwin, J.M. (1899) The Social and the Extra-Social. *American Journal of Sociology*. 4(5). pp. 649–655.

13. Ross, E.A. (1903) Moot Points in Sociology. II. Social Laws. *American Journal of Sociology*. 9(1). pp. 105–123.

14. Babcock, K. Ch. (1911) The Scandinavian Element in American Population. *The American Historical Review*. 16(2). pp. 300–310.

15. Haynes, G.E. (1913) Conditions among Negroes in the Cities. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 49. pp. 105–119.

16. Burgess, E.W. (2011) “The Growth of the City: An Introduction to a Research Project”: From Robert E. Park, Ernest W. Burgess, and Roderick D. McKenzie, “*The City*” (1925). In: *The City Reader*. 5th ed. London: Routledge. pp. 207–215.

17. Burgess, E.W. (1928) Residential Segregation in American Cities. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 140. pp. 105–115.

18. Wirth, L. (2005) *Izbrannyye raboty po sotsiologii. Sbornik perevodov* [Selected Works in Sociology. Collection of Translations]. [s.l.]: [s.n.].

19. Suttles, G.D. (1972) *The Social Construction of Communities*. Chicago: University of Chicago Press.

20. Musterd, S. (2020) Urban Segregation: Contexts, Domains, Dimensions and Approaches. In: Musterd, S. (ed.) *Handbook of Urban Segregation*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 2–17.

21. Power, A. & Weinstein, Z. (2012) Discussion: Housing and Sustainability – Demolition or Refurbishment? *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Urban Design and Planning*. 165(3). pp. 191–191.

22. Bauman, Z. (2008) *Gorod strakhov, gorod nadezhd* [The City of Fears, the City of Hopes]. *Logos*. 3(66). p. 24.

23. Lefebvre, H. (2002) *Idei dlya kontseptsii novogo urbanizma* [Ideas for a Concept of New Urbanism]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 1(3).

24. Bonduki, N. & Rolnik, R. (1979) Periferia da Grande Sao Paulo: Reproducao do Espaco como Expediente de Reproducao da Forca de Trabalho. In: Maricato, E. (ed.) *A Producao Capitalista da Casa (e da Cidade) do Brasil Industrial*. Sao Paulo: Editora AlfaOmega.

25. Caldeira, T.P. do R. (1997) Enclaves Fortificados: A Nova Segregação Urbana. *Novos estudos CEBRAP*. 47. pp. 155–176.

26. Krupka, D.J. (2007) Are Big Cities More Segregated? Neighbourhood Scale and the Measurement of Segregation. *Urban Studies*. 44(1). pp. 187–197.

27. Atkinson, R. & Ho, H.K. (2020) Segregation and the Urban Rich: Enclaves, Networks and Mobilities. In: Musterd, S. (ed.) *Handbook of Urban Segregation*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. pp. 289–305.

28. Petri, O.V., Aksenov, K.E. & Krutikov, S.A. (2012) *Prigorodnye zakrytye zhilye kompleksy Sankt-Peterburga: nachalo segregatsii ili smena obraza zhizni?* [Suburban Gated Communities in St. Petersburg: The Beginning of Segregation or a Change in Lifestyle?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. 1.

29. Vagin, V.V. (2001) *Gorodskaya sotsiologiya: uchebnoe posobie dlya munitsipal'nykh upravlyayushchikh* [Urban Sociology: A Textbook for Municipal Managers]. Moscow: Moskovskiy nauchnyy obshchestvennyy fond, Shkola munitsipal'nogo upravleniya.

Сведения об авторах:

Галиуллин Р.Э. – бакалавр социологии, магистрант, кафедра общей социологии, магистратура 2-й курс Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: R.galiullin@g.nsu.ru

Скалабан И.А. – доцент, доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета; профессор кафедры общей социологии Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: skalaban_i@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Galiullin R.E. – Bachelor of Sociology, Master of Arts student, Department of General Sociology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: R.galiullin@g.nsu.ru

Skalaban I.A. – Dr. Sci. (Sociology), docent, professor at the Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); professor at the Department of General Sociology, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: skalaban_i@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.02.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 09.12.2025
The article was submitted 10.02.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*